

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ АКТЕР

к 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
В. В. САМОЙЛОВА

В ТЕКУЩЕМ году исполнилось 125-летие со дня рождения, а сегодня исполняется пятидесятилетие со дня смерти одного из самых замечательных русских актеров — Василия Васильевича Самойлова (1812—1887).

Вся его сорокалетняя работа актера прошла на сцене б. Александринского театра. Подводя ее итоги, Самойлов писал: «Если я с первых же дней пошел сильно вперед и начал трудиться серьезно, то обязан этим только тому, что был очень несчастлив на сцене. Все притеснения, все гонения, какие только могли существовать, я все их перенес и испытал на себе. Имея характер сильный и твердый, я не падал духом, а бывши самолюбив, не хотел оставаться последним по таланту».

Непрестанным трудом, тончайшей и разносторонней обработкой своего дарования Самойлов хотел доказать начальству казенного театра, державшему его долгие годы на выходных ролях, что он, принужденный играть в «Гамлете» придворного Гильденштерна, достоин играть самого принца Датского. Дирекция закрывала глаза на всю работу, на

весь художественный рост Самойлова: она присудила ему, человеку гордого и независимого характера, навсегда занять на выходных ролях. «Тогда, — вспоминал Самойлов, — я предложил Гедеонову (директор императорских театров) следующее: в то время была в большой моде драма «Материнское благословение». Я брался играть в этой пьесе поочередно: в первый вечер роль Пьера, во второй — отца, в третий — жениха и таким образом переносить их всех, и если я хоть в одной из ролей буду хуже тех, кто играл до меня, то подвергаю себя штрафу, какой ему угодно будет назначить».

Директор с презрительной гримасой отверг предложение Самойлова. К большим ролям привел Самойлова случай: ему пришлось внезапно заменить в одной бенефисной пьесе знаменитого Мартынова. Огромный успех в этой пьесе («Музикант и княгиня») навсегда вывел Самойлова из тени, в которой держала его дирекция.

То испытание, которое Самойлов вызывался выдержать перед директором Гедеоновым, он блестяще выдерживал в течение полувека перед многотысячной публикой Петербурга, Москвы и провинции.

В репертуаре Самойлова совмещались роли самых противоположных амплуа. Самойлов полагал, что таким «актером без амплуа» и должен быть всякий истинный артист.

Каждый актер — ваятель сценических образов. Скульптор, пользующийся для своей работы послушной глиной, властен слепить из нее старика, Аполлона или Фальстафа. У скульптора не существует амплуа: лепить одних стариков или одних Амурлов. Он лепит тех и других. Актер, по Самойлову, подобен скульптору: только тогда является он подлинным артистом, мастером своего искусства, когда он может с

одинаковым успехом играть роли и удалого Самозванца, и отставного секунд-майора Растваковского, и вечно грустного Гамлета, и светского шулеров Кречинского.

В истории русского театра трудно назвать актера, который был бы способен к такому перевоплощению, как Самойлов.

В 1870 году ему было 58 лет, а он так правдиво, ярко и обаятельно сыграл Самозванца в «Борисе Годунове» Пушкина, что заставил поверить, что в каждом его движении «младая кровь играет». По признанию критиков, старый актер дал в Самозванце «совсем молодую тонкую фигуру» и исторически верный грим. Более того: он дал исторически верное понимание этой труднейшей роли.

«Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова писали о Самойлове-Самозванце: «Дмитрий не более, как честолюбивый авантюрист, сознавший, что задуманное им предприятие пригодно только для него лично. В зародыши этого предприятия не положено ни одной из тех великих общих идей, которые вырываются у истории оправдательный притвор. В таком человеке страсть уступает место дерзости, а вера в правоту всего дела — вере в счастливую случайность, главными агентами которой являются риск, отвага и уменье ловить рыбу в мутной воде. Такой и понял свою роль Самойлов».

Это толкование образа Самозванца старым актером стоит на высоте нашего современного понимания исторической и сценической роли Самозванца, и многим советским актерам полезно бы поучиться у Самойлова не только мастерству в передаче роли Самозванца, но и глубине ее трактовки.

Самойлов блестательно вылепил целую галерею характерных ролей.

Не было лучшего Растваковского в «Ревизоре», графа Любина в «Пропинциалке» Тургенева, Михеича в «Ночном» М. Стаховича. Все это маленькие роли, которых сторонились большие артисты. Для Самойлова не было маленьких ролей: он понимал, что иная маленькая роль несет в себе великие задачи для художника, и вот почему он предпочитал играть в «Ревизоре» Растваковского, роль в одном явлении, уступая другим более выигрышные, крупные роли. Но что это был за Растваковский! Это был живой «бломок прежних поколений». Фигура «секунд-майора» приобретала у Самойлова большую историческую емкость. Самойлов так сыграл Растваковского, что отменил своей игрой приговор самого Гоголя: Гоголь выкинул сцену с Растваковским из «Ревизора», Самойлов ее вернул в знаменитую комедию, и с тех пор «Ревизор» уже не игрался без «секунд-майора» екатерининских времен.

Играя роли мирового репертуара — Гамлета, короля Лира, Франца Морса («Разбойники»), — Самойлов на-делал их лица «не общим выражением». Великий мастер грима и костюмировки, он всегда умел отыскать в этих общечеловеческих образах такие черты характера, которые не были примечены другими исполнителями. Самойлову далеко не всегда удавалось наполнить эти образы могучим эмоциональным содержанием; ему, случалось, нехватало внутреннего чувства, но в самом рисунке образа, в его пропорциях и красках Самойлов был всегда убедителен умным правдоподобием замысла и характерной четкостью деталей.

В 1860—1870 гг. Самойлов был заслуженным петербургской сцены и признанным учителем актерского мастерства для всего русского актерства.

«Достоинство свое как актиста Самойлов ставил очень высоко и держал себя независимо, хотя это было в его время и нелегко», — читаем мы в «Записках старого театра». Когда ему в бенефис (по случаю 40-летия деятельности) привнесли пожалованную ему за его заслуги медаль*, он покачал головой и сказал: «Это, вероятно, ошибка, медаль предназначена для какого-нибудь курьера Самойлова, а я артист!»

Этот ответ повлек за собою отставку Самойлова. В течение 10 лет прославленный артист принужден был выступать в случайных спектаклях.

Лишь в день своего сценического 50-летия — в 1884 году — престарелый Самойлов получил возможность еще раз — в последний! — встретиться с публикой на Александринской сцене, выступая в отрывке из драмы «Ришелье», где им был создан замечательный образ знаменитого кардинала.

Так первая молодость Самойлова прошла в неравной борьбе с дирекцией за право на существование как актера: так, в последнее — пятое — десятилетие своей работы знаменитый артист должен был кончать свою жизнь борьбой с жестоким произволом казенного театра.

В историю русского театра В. В. Самойлов навсегда вошел как превосходный артист и пламенный сторонник художественной «науки» актера; не менее почетное место принадлежит Самойлову в истории борьбы русского актера за свое достоинство человека и художника.

С. ДУРЫЛИН.

* Царское правительство не награждало актеров орденами. Актеры наряду с мещанами и прочими лицами «низкого звания» изредка награждались медалями.